

идрис шах

суфии

Канон 2.0

Идрис Шах
Суфии

«РИПОЛ Классик»

2014

УДК 297.1
ББК 82.38

Шах И.

Суфии / И. Шах — «РИПОЛ Классик», 2014 — (Канон 2.0)

ISBN 978-5-386-13763-2

Литературный редактор Evening News (Лондон) оценил «Суфии» как самую важную из когда-либо написанных книг, поставив её в ряд с Библией, Кораном и другими шедеврами мировой литературы. С самого момента своего появления это произведение оказало огромное влияние на мыслителей в широком диапазоне интеллектуальных областей, на ученых, психологов, поэтов и художников. Как стало очевидно позднее, это была первая из тридцати с лишним книг, нацеленных на то, чтобы дать читателям базовые знания о принципах суфийского развития. В этой своей первой и, пожалуй, основной книге Шах касается многих ключевых элементов суфийского феномена, как то: принципы суфийского мышления, его связь с исламом, его влияние на многих выдающихся фигур в западной истории, миссия суфийских учителей и использование специальных «обучающих историй» как инструментов, позволяющих уму действовать в более высоких измерениях. Но прежде всего это введение в образ мысли, радикально отличный от интеллектуального и эмоционального мышления, открывающий путь к достижению более высокого уровня объективности. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 297.1
ББК 82.38

ISBN 978-5-386-13763-2

© Шах И., 2014

© РИПОЛ Классик, 2014

Содержание

Ситуация	7
Предисловие автора	7
Островитяне	10
Подоплека	17
Подоплека	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Идрис Шах Суфии

Перевод с английского Ю. Аранова, И. Загнибеды Редактура А. Ежовой

The Sufis edition copyright © 2014 ISF publishing

© Аранов Ю., Загнибеда И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»,
2020

Ситуация

Человечество, занятое только бесполезным, спит, оно живет не в том мире. Вера в то, что можно избежать этого, есть всего лишь привычка и обычай, не религия. Такая «религия» глупа...

Перестаньте заниматься болтовней перед Людьми Пути, лучше преодолите себя. Ваше знание и религия искажены, если вы стоите вниз головой по отношению к В сальности.

Человек сам запутывает себя в своих цепях. Лев (человек Пути) разбивает свою клетку на части.

Суфийский мастер Санаи из Афганистана, учитель Руми.

Из произведения «Окруженный стеной сад Истины», написанного в 1131 году.

Предисловие автора

Из всех возможных мотивов для написания этой книги автор в последнюю очередь преследовал цель бросить вызов схоластицизму или академическому методу. Многие ученые Востока и Запада героически посвятили всю свою жизнь тому, чтобы с помощью своих дисциплин сделать доступными для всего мира суфийские литературные произведения и философские материалы. Во многих случаях они сами добросовестно передавали настойчивые утверждения суфиев, что суфийский Путь невозможно постичь с помощью интеллекта или простого изучения книг. То, что знание этого принципа не помешало им попытаться втиснуть суфизм в рамки своего понимания, есть дань их интеллектуальной честности и беззаветной вере в собственную систему исследований.

Было бы, однако, нечестно по отношению к суфизму не сказать здесь со всей категоричностью, что вне реальной обучающей ситуации, которая требует физического присутствия суфийского учителя, понимание истинной ценности суфизма ограничено определенными рамками. Суфии считают неслучайным тот факт, что «тайное учение», о существовании которого долгое время догадывались и которое искали, оказывается столь неуловимым для искателя. В то время как коммунизм можно назвать религией без Бога, академическое изучение суфизма человеком, который не является хотя бы до некоторой степени «практикующим суфием», – это суфизм, лишенный своего самого существенного фактора. Если это утверждение противоречит установившемуся мнению о том, что человек может найти истину, упражняя способности, которые, по стечению обстоятельств, оказались в его распоряжении, то ответ будет только один. Суфизм как «тайная традиция» не становится доступным тому, кто опирается на предположения, относящиеся к иному миру, миру интеллекта. Если считать, что истинные знания о явлениях, не имеющих отношения к физическому миру, следует искать только с помощью специфического образа мысли, рационального и «научного» подхода, то какой бы то ни было контакт между суфием и предположительно объективным искателем станет невозможным.

Суфийская литература и предварительное обучение предназначены для того, чтобы соединить мостом две эти системы мышления. Если бы такой возможности не существовало, книга эта была бы бесполезной, и ее не стоило бы даже пытаться писать.

Суфизм, который считается питательным веществом для общества, не предназначен для того, чтобы существовать внутри общества в неизменном виде. Можно сказать, что суфии создают свои системы не так, как создаются монументальные памятники; с тем, чтобы последующие поколения могли их изучать и исследовать. Суфизм передается посредством живого

человеческого образца – учителя. Неосведомленность о нем широких кругов и наличие подражателей еще не говорит о том, что таких людей не существует.

Следы суфизма можно встретить в различных осиротелых организациях, лишившихся этого существенного элемента – передачи бараки от человека к человеку, – но сохраняющих при этом свою первоначальную внешнюю форму. Поскольку обычный человек легче всего воспринимает именно такую оболочку, мы вынуждены воспользоваться ею, чтобы указать на нечто более глубокое. В отличие от подобного человека, мы не можем сказать, что такой-то ритуал или книга олицетворяют собой суфизм. Мы начинаем с социального, человеческого, литературного материала, каждый из которых является в равной степени незавершенным (из-за отсутствия влияния живого человека – учителя) и второстепенным, т. к. был усвоен лишь частично. Исторические факторы, такие как религиозные и социальные образования, когда они настойчиво продолжают свое существование, представляют собой второстепенные, поверхностные явления, выживание которых зависит от наличия организации, эмоций и демонстрации своих внешних достоинств. С суфийской точки зрения эти моменты, столь важные для поддержания знакомых уже систем, всего лишь подменяют собой подлинную жизнеспособность организма, которая никак не связана с факторами, представляющими лишь внешнюю или сентиментальную ценность.¹

Суфийская школа, как и всякое другое естественное явление, появляется для того, чтобы расцвести и исчезнуть, не оставляя следов в виде механических ритуалов или антропологически интересных пережитков. Функция питательного вещества в том, чтобы подвергнуться трансмутации, а не в том, чтобы оставлять неизменные следы.

Касаясь этой тенденции, великий суфийский учитель Джамии говорит, что, если позволить бороде разрастись слишком пышно, она будет соперничать с волосами головы в претензиях на внимание или видное положение.

Нетрудно понять, что претендуя на «органичность» и «человеческий образец», суфизм, по определению, выпадает из сферы общепринятого изучения.

Есть, однако, некоторая ценность в том, чтобы обратить внимание на суфийские влияния в культуре. Прежде всего, мы можем увидеть попытки преодолеть разрыв между обычным мышлением и суфийским опытом, содержащиеся в поэзии, литературе и других источниках, предназначенных для того, чтобы привести обычное, слабое или находящееся в эмбриональном состоянии человеческое сознание к большему восприятию и реализации. Далее, суфии утверждают, что даже в такой культурной среде, где авторитарное и механическое мышление задушило разностороннее понимание, человеческой индивидуальности приходится как-то утверждать себя, пусть даже через примитивное ощущение того, что жизнь должна иметь больший смысл, чем тот, который официально пропагандируется.

В этой книге для иллюстративных целей основное внимание было уделено распространению суфийской мысли в течение определенного периода (с VII в. н. э.). Если в изложение включены совершенно новые материалы, то сделано это отнюдь не со схоластическими целями. Схоластицизм заинтересован в накоплении информации, с тем чтобы сделать из нее те или иные выводы. Суфизм же занимается развитием линии связи с высшим знанием, а не с комбинацией отдельных фактов, какими бы интересными с исторической точки зрения они ни были, теоретические спекуляции также не входят в сферу его интересов.

Следует помнить, что суфизм является восточным мышлением только в том смысле, что он сохраняет веру (например, в человеческий образец), временно утраченную на Западе. Его можно охарактеризовать как оккультное и мистическое учение лишь в той степени, в какой методы его отличаются от тех, которые авторитарные и догматические организации объявляли истинными. Суфии считают, что позиции подобных структур представляют собой лишь

¹ См. примечание «Мировоззрение».

фрагмент, период в истории человечества. Претендуя на «реальный» источник знания, суфизм не может принять претензий временной фазы, которая считается сегодня «логичной» только потому, что рассматривается внутри себя самой.

Многие материалы, представленные здесь, следует считать неполными, ибо невозможно увеличить объем формальной литературы о суфизме, не уравновесив его при этом суфийской практикой. И все же, многие из этих материалов неизвестны за пределами традиционных суфийских кругов. Они не предназначены для воздействия на традиционный схоластицизм, с ним у суфизма существует лишь самая поверхностная связь, углубление которой может привести только к различным искажениям.

Суфизм познается посредством самого себя.

Было бы интересно отметить разницу между наукой, как мы ее понимаем сегодня, и тем, что считал наукой один из ее пионеров Роджер Бэкон. Его считают чудом средневековья и одним из величайших мыслителей человечества, поскольку он был первооткрывателем метода познания, приобретаемого через опыт. Суфии из школы иллюминистов научили этого францисканского монаха тому, что есть разница между накоплением информации и познанием посредством эксперимента. В своей работе *Opus Maius*, где он цитирует суфийские авторитеты, Бэкон пишет: «Есть два способа познания: с помощью аргументов и с помощью опыта. Аргументы приводят к умозаклучениям и заставляют нас допустить их правильность, но они не приводят к определенности и не уничтожают сомнений так, чтобы ум мог обрести спокойствие в истине, которая подтверждается только опытом».

Эта суфийская теория известна на Западе как научный метод индуктивного умозаклучения. Позднейшая западная наука во многом основана на нем. Однако современная наука вместо того, чтобы приять идею, что опыт необходим во всех областях человеческого мышления, приняла эту концепцию только в значении «эксперимента», при проведении которого экспериментатор остается максимально удаленным от своего опыта.

Суфии считают, что когда Бэкон писал эти строки в 1268 году, он положил начало современной науке, но вместе с тем передал ей только часть той мудрости, на которой она могла быть основана.

С тех пор «научное» мышление долго и героически работало, основываясь на этой частичной традиции. Несмотря на свои суфийские корни, метод деградировал, что помешало исследователям приблизиться к знанию посредством самого знания, т. е. с помощью «опыта», а не просто «эксперимента».

Островитяне

*Обычный человек раскаивается в своих грехах, избранные
раскаиваются в своей невнимательности.
Дхун-Нун Мисри*

Большинство легенд, по крайней мере частично, отражают истину, и эти легенды часто помогают людям усвоить такие идеи, которые им помешали бы воспринять обычные схемы их мышления. По этой причине суфийские учителя довольно широко используют легенды, чтобы нарисовать картину жизни, более соответствующую их восприятию, чем это можно передать чисто интеллектуальными методами.

Здесь приводится суфийская легенда о ситуации человечества, обобщенная и приспособленная, как это и должно быть всегда, ко времени, в котором она представлена. Обычные «развлекательные» произведения такого рода суфийские авторы считают дегенерировавшей или низшей формой искусства.

В далекой стране существовало некогда идеальное общество. Члены этого общества не знали тех страхов, с которыми сегодня сталкиваемся мы. Этим людям были незнакомы чувства неопределенности и неустойчивости, поскольку они отличались целеустремленностью и к тому же располагали более разнообразными средствами самовыражения. Хотя им были знакомы стрессы и напряжения, которые считаются сейчас существенными для прогресса человечества, жизнь их была богаче, потому что другие, лучшие элементы заменяли эти стимулы. Поэтому их образ жизни был несколько иным. Мы можем даже сказать, что наши современные восприятия представляют собой только грубую, кустарную версию тех реальных восприятий, которыми обладало это сообщество.

Они жили реальной жизнью, а не полужизнью.

Назовем их людьми Эль-Ар.

У них был вождь, которому стало известно, что в их стране невозможно будет жить в течение, скажем, двадцати тысяч лет. Он разработал план спасения, понимая, что потомки этих людей смогут успешно вернуться домой только после многих испытаний.

Он нашел место, которое должно было стать для них временным убежищем, – это был остров, весьма отдаленно напоминавший их родину. Из-за различий в климате и в местоположении иммигрантам пришлось претерпеть некоторые изменения. Они стали физически и умственно более приспособленными к новым обстоятельствам: например, тонкие восприятия стали грубыми, подобно тому, как в соответствии с потребностями ремесла грубеет рука человека, занимающегося физическим трудом.

Для того чтобы смягчить боль, которую принесло бы сравнение между старыми и новыми условиями, их почти полностью заставили забыть о своем прошлом. О нем остались лишь самые смутные воспоминания, но этого было достаточно, чтобы в нужный момент пробудиться.

Система адаптации к новым условиям была очень сложной, но хорошо продуманной. Органы, с помощью которых люди выживали на острове, были превращены также в органы физического и умственного наслаждения. А те органы, которые выполняли действительно конструктивную функцию на их старой родине, были помещены в состояние временного бездействия и привязаны к их померкшей памяти, находясь как бы в ожидании своей конечной активизации.

Медленно и болезненно обосновывались иммигранты, приучая себя к местным условиям. Возможности острова были таковы, что в соединении с личными усилиями и опреде-

ленной формой руководства, люди могли перебраться на другой остров, расположенный уже ближе к их родине. То был первый из последовательности островов, на которых происходила постепенная акклиматизация.

Ответственность за эту «эволюцию» была возложена на тех, кто мог ее поддерживать. Естественно, что таких людей было очень мало, потому что для остальной массы практически невозможно было удерживать в своем сознании оба вида знания, тем более что, как казалось, они противоречили друг другу. Определенные специалисты взяли на себя охрану «особой науки».

Эта «тайна», т. е. метод осуществления перевозок, была не чем иным, как знанием мореходного искусства и его практического применения. Для побега нужен был инструктор, сырье, люди, усилия и понимание. Располагая всем этим, люди смогли бы научиться плавать, а также строить корабли.

Индивиды, которые с самого начала несли ответственность за работу, связанную с побегом, разъясняли всем, что прежде чем научиться плавать или просто принять участие в строительстве кораблей, необходимо пройти определенную подготовку. В течение некоторого времени этот процесс развивался удовлетворительно.

Затем случилось так, что некий человек, лишенный необходимых качеств, восстал против заведенного порядка и сумел развить блестящую идею. Он заметил, что усилия по подготовке к побегу ложатся тяжелым и, по-видимому, нежелательным бременем на людей. В то же время они склонны были принимать на веру то, что им говорили о работе, связанной с побегом. Он понял, что, используя эти два обстоятельства, он сможет захватить власть и отомстить тем, кто, как ему казалось, недооценивал его.

Все, что ему надо было сделать, это предложить людям избавиться от нежелательного бремени, утверждая, что в нем нет никакого смысла.

И он сделал такое заявление: «Нет никакой необходимости совершенствовать свой ум и тренировать его каким-то особым способом. Человеческий ум и без того обладает стабильностью и последовательностью. Вам говорили, что нужно стать искусным мастером для того, чтобы построить корабль. А я говорю, что вам не только не нужно становиться мастерами – вам вообще не нужны никакие корабли! Для того чтобы выжить и остаться членом общества, островитянину необходимо всего лишь соблюдать несколько простых правил. Развивая здравый смысл, присущий человеку от рождения, можно достичь всего, что необходимо на этом острове, который является нашим домом, общим достоянием и наследием!»

Сумев вызвать у людей интерес, оратор «обосновал» свое заявление следующими доводами: «Если корабли и плавание действительно реальны, покажите нам корабли, уже совершившие путешествия, и пловцов, вернувшихся назад!»

Инструкторы не могли принять подобного вызова. Он был основан на предположении, ложность которого ослепленная толпа не в состоянии была разглядеть. Дело в том, что корабли никогда не возвращались назад, а возвратившиеся пловцы претерпевали такие изменения, что становились невидимыми для остальных.

Толпа потребовала у кораблестроителей убедительных доказательств.

«Кораблестроение – это искусство и ремесло, – говорили сторонники возвращения на родину, пытаясь унять волнения, – изучение и применение этого знания требует использования особой техники. Все это, вместе взятое, составляет целостную активность, которую нельзя изучать по частям, как того требуете вы. Данная активность сопровождается присутствием неосознаваемого элемента, называемого *баракой*, от названия которого и произошло слово “барка”, т. е. корабль. Это слово означает “тонкость”, и ее, по определению, нельзя показать вашим глазам».

«Искусство, ремесло, целостность, барака – чепуха!» – закричали революционеры и повели всех кораблестроителей, которых только смогли найти.

Новое учение было принято с радостью как провозвестие освобождения. Человек обнаружил, что он уже вполне созрел! Он, по крайней мере временно, почувствовал себя свободным от ответственности.

Благодаря простоте и удобству революционной концепции, большинство других способов мышления было вскоре забыто. Прошло совсем немного времени и новое мировоззрение даже причислили к фундаментальным понятиям, которые не станет оспаривать ни один рационально мыслящий человек. Рациональными считались, разумеется, те, кто не вступал ни в какие противоречия с общей теорией, на которой теперь было основано общество.

Идеи, которые противоречили ей, сразу же объявлялись иррациональными, а все иррациональное считалось плохим. Поэтому, если у человека появлялись какие-то сомнения, ему приходилось, либо подавлять их, либо игнорировать, т. к. он любой ценой должен был производить впечатление рационального человека.

Надо сказать, что быть рациональным не составляло большого труда. Нужно было только твердо придерживаться ценностей общества, тем более что в истинности рационального мышления никто уже не сомневался, это не требовало никаких доказательств, при условии, что человек не мыслил себе какой-либо жизни вне острова.

Теперь общество достигло временного равновесия в пределах острова и, если подходить к нему с его же мерками, производило впечатление внушающей доверие завершенности. Оно было основано на разуме плюс эмоции, и то, и другое поощрялось, и было представлено в лучшем виде. Например, на рациональной основе было разрешено людоедство, потому как обнаружилось, что человеческое тело съедобно. Съедобность – признак пищи. Таким образом, человеческое мясо тоже можно было считать пищей. Для того чтобы компенсировать недостатки подобного рассуждения, нашли следующий выход. В интересах общества людоедство поставили под контроль. Компромисс стал отличительным признаком временного равновесия. Каждый раз, когда кто-нибудь находил возможность для нового компромисса, борьба между разумом, честностью и обществом порождала новые социальные нормы.

Поскольку искусство кораблестроения не находило никакого видимого применения в условиях этого общества, то любая деятельность, связанная с ним, легко могла быть сочтена нелепой. В кораблях не нуждались – плыть было некуда. Следствия, вытекающие из определенных предположений, можно превратить в «доказательства» этих самых предположений. Так возникает то, что называют псевдоуверенностью, подменяющей реальную уверенность. Именно с подобной псевдоуверенностью мы сталкиваемся ежедневно, допуская, что завтра будем все еще живы. Наши островитяне применяли ее вообще ко всему.

Две статьи из «Большой Универсальной Энциклопедии Острова» могут дать нам представление о том, как все это происходило. Черпая свою мудрость из единственно доступного им источника, ментального питания, ученые светочи островного общества сделали следующие открытия:

«КОРАБЛЬ: нечто раздражающее. Воображаемое средство передвижения, с помощью которого, как утверждают мошенники и лжецы, можно “пересекать воду”, что с точки зрения современной науки является абсурдом. На острове не существует водонепроницаемых материалов, из которых можно было бы построить такой “корабль”, не говоря уже о том, что с острова просто некуда плыть. Пропаганда “кораблестроения” является самым тяжёлым преступлением, описанным в статье XVII, п. “ж” Уголовного кодекса “Защита легковерных”.

МАНИЯ КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ: есть крайняя форма ухода от действительности, признак плохой приспособляемости к окружающей среде. В соответствии с конституцией, все граждане, подозревающие о наличии этого ужасного состояния у кого-либо из своих собратьев, обязаны уведомить официальные органы».

См.: «Плавание», «Психические отклонения», «Преступление (Главное)». Рекомендуемая литература: Смит Дж. «Почему “корабли” невозможно построить», Университетская монография № 11 51.

«ПЛАВАНИЕ: Противоестественная активность. Воображаемый метод передвижения тела по водному пространству, якобы позволяющий телу оставаться на поверхности воды; основная цель “плавания” – достижение некоего место-назначения за пределами острова. Человек, “изучающий” это неестественное искусство, должен пройти через нелепый ритуал. На первом уроке он должен, лежа на земле, двигать руками и ногами, подчиняясь команде “инструктора”. В целом вся эта концепция, дошедшая до нас с варварских времен, зиждется на стремлении самозванных “инструкторов” навязывать свою волю легковерным. Позднее данный культ принял форму эпидемической мании».

См.: «Корабль», «Ереси», «Псевдоискусства». Рекомендуемая литература: Браун В. «Великое “плавательное” безумие» в семи томах. Институт Социальной Ясности.

Словами «противоестественное» и «раздражающее» на острове пользовались для обозначения всего, что противоречило новому учению, которое само именовалось словом «Услаждать». Смысл последнего заключался в том, что теперь люди должны были услаждать себя, в рамках всеобщей необходимости угождать Государству. Под Государством подразумевались все люди – народ.

С самых ранних времен даже мысль о расставании с островом, вполне естественно, вызывала в людях жутковатое чувство. Такой же неподдельный страх можно наблюдать у отсидевших долгий срок заключенных перед выходом на свободу. Мир «за пределами» места заключения пугает их своей неопределенностью, неизвестностью и враждебностью.

Остров не был тюрьмой, но он был клеткой, незримые решетки которой действовали куда более эффективно, чем любые видимые преграды.

Островное общество становилось все более и более сложным, и мы можем здесь отметить лишь некоторые из его выдающихся особенностей. Оно располагало богатой литературой. Кроме художественных произведений, существовало множество книг, описывающих ценности и достижения нации. Была создана также целая система аллегорической литературы, живописующей те ужасы, которыми была бы полна жизнь, если бы человеческое сообщество не утвердило себя в своем нынешнем уверенном состоянии.

Время от времени инструкторы пытались помочь бежать всем островитянам. Капитаны жертвовали собой ради восстановления условий, при которых ныне скрывающиеся кораблестроители смогли бы продолжить свою работу. Историки и социологи связывали все эти усилия с условиями самого острова, не допуская и мысли о возможности каких-либо контактов вне этого замкнутого общества. Почти для всех случаев можно было сравнительно легко найти правдоподобные объяснения. Ни о какой честности не могло быть и речи, т. к. ученые с неподдельным усердием продолжали изучать лишь то, что им казалось истинным. «Можем ли мы делать что-то *большее*?» — спрашивали они, подразумевая под словом «большее» чисто количественное увеличение усилий как некую альтернативу обычным усилиям. Или же они спрашивали друг друга: «Что *еще* мы можем сделать?» — думая, что это «еще» подразумевает под собой делание чего-то иного. Их реальной проблемой было то, что они считали себя способными задавать вопросы, игнорируя простой факт, что постановка вопроса не менее важна, чем ответ на него.

Конечно, диапазон мышления и деятельности у островитян, в пределах их маленького мирка, был весьма широким. Разнообразие идей и различия во взглядах создавали впечатление свободомыслия. Мысль поощрялась, естественно, при условии, что она не была «абсурдной».

Допускалась свобода высказываний, но от нее было мало толку без развития понимания, к которому люди не стремились.

В соответствии с изменениями, происходящими в обществе, работа и цели мореплавателей должны были выражаться различными способами. В результате этого процесса реальность, лежащая в основе мореплавания, еще больше сбивала с толку тех, кто пытался следовать за мореплавателями, придерживаясь точки зрения, принятой на острове.

Из-за всей этой неразберихи иногда даже способность помнить о возможности побега могла стать препятствием. Сознание, возбужденное идеей побега, не отличалось особой разборчивостью: желающие бежать чаще всего находили утешение в той или иной форме вымышленного бегства. Смутная концепция плавания не могла быть полезной при отсутствии ориентации, но даже тем, кто больше других хотел заняться кораблестроением, было внушено убеждение, что они изначально обладают такой ориентацией. Они чувствовали, что уже созрели. Они ненавидели всех, кто говорил им о том, что им может понадобиться подготовка.

Эксцентричные представления о плавании или кораблестроении часто заслоняли собой возможности реального прогресса. Во многом в этом были виноваты пропагандисты псевдоплавания или аллегорических кораблей, заурядные мошенники, предлагавшие уроки тем, кто был еще не в состоянии плавать, или обещавшие проезд на кораблях, которых они не могли построить.

Потребности общества с самого начала вызвали необходимость в появлении некоторых форм эффективной деятельности и конструктивного мышления, развившихся впоследствии в то, что стали именовать наукой. Этот великолепный подход к делу, столь важный там, где он мог найти себе адекватное применение, в конце концов вышел за рамки своего реального смысла. После революции «услаждения» так называемый «научный подход» стали раздувать так, что он заменил собой все идеи вообще. В конце концов все, что не вменялось в его рамки, стали называть «ненаучным» (удобный синоним для слова «плохой»).

Из-за отсутствия должного подхода к вопросу островитяне, подобно людям, предоставленным самим себе в прихожей и нервно перелистывающим журналы, погрузились в поиски того, что могло бы заменить им реализацию – первоначальную (и естественно, конечную) цель их длящегося изгнания на острове.

Некоторым более или менее успешно удалось переключить свое внимание на преимущественно эмоциональные сферы деятельности. Существовали различные виды эмоциональной вовлеченности, но не было соответствующей шкалы для их оценки. Все эмоции считались «глубокими» или «значимыми», во всяком случае, более значимыми, чем отсутствие таковых. Эмоции, приводившие людей к самым крайним физическим или ментальным эксцессам, автоматически нарекались «глубокими».

Большинство людей ставило перед собой различные цели или позволяло другим делать это за них. Например, они могли следовать различным культам, или стремились приобрести деньги, или социальное положение. Одни поклонялись определенным вещам и чувствовали себя выше всех остальных, другие, отвергая то, что им казалось поклонением, считали, что у них нет идолов, и поэтому позволяли себе насмехаться над остальными.

Шли века, и остров захламлялся останками всевозможных культов. К несчастью, в отличие от обычных останков, ментальные реликты сами себя увековечивали. Различные люди, руководствуясь самыми лучшими побуждениями и не только ими, снова и снова комбинировали культы и давали им вторую жизнь. Для любителей и интеллектуалов все это представляло собой благодатную почву для академических изысканий (или же служило для них материалом вводного характера), и создавало утешительное ощущение разнообразия.

Распространились прекрасные средства для потакания ограниченному «удовольствиям». Весь остров заплотонили дворцы и монументы, музеи и университеты, учебные заведения, театры и стадионы. Люди, конечно, гордились этими достижениями и считали, что многие из

них в основе своей связаны с конечной истиной, хотя, каким именно образом – от них ускользало.

Кораблестроение имело некоторое отношение к определенным сторонам этой деятельности, но почти никто не знал, какое именно.

Корабли тайно поднимали паруса, пловцы продолжали обучать плаванию.

Обстановка на острове отнюдь не внушала этим целеустремленным людям одно только отчаяние. В конце концов, они тоже выросли в этом обществе и имели неразрывную связь с ним и его судьбой.

Однако зачастую они вынуждены были оберегать себя от слишком пристального внимания своих сограждан. Некоторые «нормальные» островитяне пытались спасти их от них самих. Другие пытались их убить, руководствуясь столь же возвышенными соображениями. Третьи страстно желали получить от них помощь, но не могли найти их.

Все эти реакции на существование пловцов были следствием одной и той же причины, воспринятой различными умами по-разному. Причина эта сводилась к тому, что теперь едва ли кто-нибудь знал, кем в действительности были пловцы, чем они занимались, и где их можно было найти.

По мере того как жизнь на острове становилась все более и более цивилизованной, люди стали отдаваться довольно странному, но логичному занятию. Смысл его заключался в том, что они выражали сомнение в правильности системы общественного устройства. Конкретное проявление сомнений, касающихся социальных ценностей, приняло форму насмешек над ними. Деятельность эта могла быть окрашена веселыми или печальными тонами, но в действительности она превратилась в повторяющийся ритуал. У нее имелся свой ценный потенциал, но все попытки развивать ее истинно конструктивную функцию натывались на препятствия.

Людям казалось, что, дав своим сомнениям хотя бы временное выражение, они смогут каким-то образом смягчить их, изгнать их и чуть ли не умиловить. Сатиру считали многозначительной аллегорией; аллегории пользовались всеобщим одобрением, но мало кто их усваивал. Пьесы, книги, фильмы, стихи и памфлеты стали традиционными руслами для данного развития, хотя оно в значительной степени проявлялось и в академических сферах. Многие островитяне считали более эмансипированным, современным или прогрессивным следовать именно этому культу, предпочитая его прежним.

То тут, то там кандидаты по-прежнему приходили к инструкторам плавания, в надежде выторговать себе те или иные преимущества. Обычно происходил такой стандартный диалог:

- Я хочу научиться плавать.
- И вы хотите в связи с этим заключить сделку?
- Нет, я только хочу взять с собой тонну капусты.
- Какой капусты?
- Еды, которая потребуется мне на другом острове.
- Но там есть еда и получше.
- Я не понимаю, о чем вы говорите. Я не могу быть уверенным в этом и должен захватить свою капусту.
- Но вы не сможете плыть с целой тонной капусты.
- Тогда я останусь дома. Вы называете капусту грузом, а для меня это насущная пища.
- Допустим, что капуста не более чем аллегория, и мы под этим подразумеваем «предположения» или «разрушительные идеи».
- Лучше я пойду со своей капустой к тому инструктору, который понимает, что мне нужно.

Эта книга рассказывает о некоторых пловцах и строителях кораблей, а также о некоторых из тех, кто пытался с большим или меньшим успехом следовать им.

Легенда эта еще не окончена, потому что на острове до сих пор живут люди.

Выражая свои идеи, суфии пользуются различными способами их шифровки. Если переставить буквы в первоначальном названии общества «El-Ag», мы получим слово «Real» – Реальное. Может быть, вы также заметили, что слово «Please» – услаждать, которое было в ходу у революционеров для обозначения их идеологии, с помощью такой же перестановки слогов можно преобразовать в слово «Asleep» – Спящий.

Подоплека

1. Путешественники и виноград

*Есть три формы культуры:
мирская культура, или простое накопление информации,
религиозная культура, или исполнение правил,
и культура избранных – саморазвитие.*

Мастер Худжвири. Раскрытие скрытого за завесой

В одной из басен Эзопа рассказывается о маленьком кроте, который пришел к своей матери и сказал ей, что может видеть. Как всем известно, кроты традиционно не обладают зрением. Мать мальши решила проверить его. Она положила перед ним кусок ладана и спросила, что это такое.

– Камень, – ответил маленький крот.

– Ты не только остался слепым, но и утратил чувство обоняния, – сказала мать.

Эзоп, которого суфии почитают практическим учителем древней традиции мудрости, обретаемой посредством сознательного развития ума, тела и восприятий, не проявил особой оригинальности в этой басне, если иметь в виду ее поверхностную мораль. Не очень глубокий смысл некоторых его басен (достаточно банальная мораль) был отмечен многими исследователями.

Мы можем, однако, проанализировать эту басню и понять, что она означает в действительности, если знаем кое-что о суфийской традиции и ее методе сокрытия смыслов в литературных произведениях.

Слово «крот» (*хулд* — от корня ХЛД) пишется по-арабски так же, как и слово *халад*, что, в зависимости от контекста, может означать «вечность», «рай», «мысль», «ум» или «душа». Поскольку в арабском письме употребляются только согласные буквы, вне контекста невозможно сказать, какое слово имелось в виду. Если бы это слово было использовано в поэтическом произведении, написанном на одном из семитских языков и впоследствии было переведено на греческий теми, кто не понимает его двойного значения, игра слов была бы потеряна.

Почему были избраны именно камень и ладан? Потому что суфийская традиция гласит, что «*Моисей (руководитель своего народа) предал камню благоухание мускуса*» (Хаким Санаи, «Окруженный стеной сад Истины»).

«Моисей» олицетворяет собой направляющую мысль, преобразующую неодушевленное и инертное (камень) в нечто «благоуханное, как мускус», а это уже символизирует нечто наделенное жизнью.

Теперь наша история показывает следующий смысл: «мать» мысли (ее источник, матрица, существенная характеристика) предъявляет мысли или же уму «ладан» (трудный для восприятия опыт). Так как человек (крот) сосредоточивается на «зрении» (пытается развивать свои способности не в том порядке), он теряет возможность пользоваться и присущими ему способностями.

Суфии считают, что вместо того, чтобы определенным образом сосредоточиться на своем внутреннем мире и добиваться успехов в развитии, человек направляет свой поиск вовне и устремляется вслед за иллюзиями (неправильно развитыми метафизическими системами), фактически приносящими ему вред.

Каковы внутренние потенциальные возможности «крота»? Мы можем ознакомиться со всей группой арабских слов, имеющих отношение к корню ХАД, о котором мы сейчас говорим:

Халад (ХаЛаД) = вечно пребывающее, продолжительное.

Халлад (ХалЛаД) = увековечивать что-либо.

ПОДОПЛЕКА: 1. ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И ВИНОГРАД

Ахлад (АХЛаД) = наклоняться вперед, быть полностью преданным (другу).

Хулд (ХуЛД) = вечность, рай, продолжительность.

Хулд (ХуЛД) = крот, полевая мышь, жаворонок.

Халад (ХаЛаД) = мысль, ум, душа.

Аль-Хуалид = (АЛЬ-ХУАЛиД) = горы, скалы, подпорки (для кувшина).

С точки зрения суфия данная группа слов, сконцентрированная вокруг основного корня, содержит в себе важные для развития человека понятия. Эти слова можно назвать чуть ли не картой суфизма. По счастливому совпадению, слово «крот» может служить в качестве символа ума или мысли. Тот же самый ум заключает в себе вечность, непрерывность, опору. Суфизм связан с увековечиванием человеческого сознания через его источник в уме. Преданность в отношениях с другими людьми является весьма существенным качеством для выполнения этой задачи.

Итак, эта эзоповская басня учит нас не только тому, что «шарлатана разоблачить несложно», как склонны думать комментаторы. Нет нужды отрицать, что такую функцию она могла выполнять веками, но поскольку в ней используются слова: ладан и крот, которые согласно суфийской традиции могут иметь скрытый смысл, это дает нам ключ к ее пониманию. Рассматривая в этом свете большое количество литературного и философского материала, мы неизбежно вспомним слова Руми, который, подобно Эзопу, был великим баснописцем Малой Азии. Он говорит, что сам канал может и не пить, но он доносит воду до жаждущих. Те, кто отнесется с интересом к подобной интерпретации кротового символизма, смогут очень ясно почувствовать, что непринужденная, законсервированная на века мудрость Эзопа сумела сохранить для нас питательное вещество, которое мы в ней сейчас находим.

Руми, живший спустя почти две тысячи лет после Эзопа, сказал: *«Сказка, придуманная или возникшая иным образом, высвечивает истину».*

Нет необходимости особо углубляться в арабский язык как таковой – подлинный источник семитской версии, откуда и происходит эта басня Эзопа. Он полезен нам только как инструмент, ибо, как показали филологи, этот язык сохраняет в тесной связи, сгруппированные согласно первобытным образцам, слова, значения которых претерпели значительные изменения в других семитских языках.

И на Западе, и на Востоке можно найти множество примеров подобной кристаллизации учения в литературе, ритуалах и народных поверьях. Многие такие явления считаются несерьезными, например, шутки, приписываемые Насреддину, Джо Миллеру и другим, они ценятся ради самого очевидного их смысла. Или взять хотя бы Омара Хайяма: чтобы заставить читателя мыслить яснее, этот поэт низводил жизнь до абсурда, что было упущено в анализе большинства его стихов, в результате их автора объявили пессимистом. Другим подобным примером является Платон: его материалы, с суфийской точки зрения, предназначались для того, чтобы показать ограниченность формальной логики и то, с какой легкостью люди делают неправильные выводы, исследователи же приписали этот недостаток самому Платону, полагая, что его рассуждения ошибочны. В некоторых случаях, как это произошло с Эзопом, тот или

иной канал все еще несет воду, хотя его и не считают каналом. А бывает и так, что, опираясь на различные логические обоснования, люди придерживаются бессмысленных верований и ритуалов до тех пор, пока те не утрачивают всякую реальную динамику и могут представлять интерес только как антиквариат. Вот что сказал об этом великий суфийский поэт Джами: *«Сухое облако, лишенное воды, не способно пролиться дождем»*. И все же, такие культы, являющиеся всего лишь подделками под тщательно продуманную символику, основанную на поэтических аналогиях, продолжают серьезно изучаться. Одни люди полагают, что подобные образования содержат в себе какие-то метафизические или магические истины, другие придают им некую самостоятельную историческую ценность.

В тех случаях, когда культы и человеческие объединения преследуют некую цель, которая первоначально была выражена сочетанием определенных ключевых слов, чтобы служить своего рода картой путешествия, необходимо знать, что именно этот фактор лежит в основе их образования, если мы хотим понять эти культы или даже просто проследить их историю. Арабскому языку, в силу его математической структуры, а также потому, что в средние века он был избран в качестве основы для передачи особого знания Востоку и Западу, придается огромная важность в таком исследовании.

Опять-таки, благодаря почти алгебраическому методу образования слов из трехбуквенных корней, арабский язык отличается очень большой простотой, совершенно неожиданной для тех, кто с ним незнаком. Во многих случаях мы имеем дело только с отдельными словами (группами согласных), а не с грамматикой или синтаксисом и даже не с арабскими буквами, т. к. для наших целей все это можно вполне удовлетворительно передать средствами латинского алфавита. Мы заменяем одну букву другой. В большинстве случаев мы видоизменяем ее, чтобы показать, какой была первоначальная буква. В сущности, это настоящее искусство, к которому часто прибегали в тех странах Востока, где был распространен арабский алфавит и вслед за ним суфийское знание, причем этим способом пользовались и те люди, которые не обладали глубокими познаниями самого арабского языка. Затем обнаружилось, что арабский язык могли использовать в качестве кода определенные люди на Востоке и на латинском Западе в средние века.²

Взаимоотношения родительницы и ребенка (крота и его матери), согласно суфийскому символизму, указывают на подготовку к обретению совершенного «видения», а также на высшую форму взаимосвязи между суфием и совершенным «видением» объективной истины. Для суфия религиозное воплощение или демонстрационная модель подобных взаимоотношений является всего лишь грубым или вторичным методом передачи некоего события, пережитого отдельным индивидуумом или группой – т. е. религиозного опыта, указующего путь к самореализации.

«Достижений совершенства суфий – велик и возвышен; он чист. С помощью любви, работы и гармонии он добился высшего мастерства. Все секреты ему открываются, всё его существо проникнуто волшебным блеском. Он Руководитель и Странник, идущий Путем беспредельной красоты, любви, знаний, могущества, завершенности; он Страж древней Мудрости, Первопроходец к высшим тайнам, возлюбленный друг, само бытие которого опьяняет нас, придавая новый смысл человеческому духу».

Вышеприведенное описание суфия принадлежит современному писателю, который не относится к их числу, хотя и провел какое-то время с теми, кто следует Путем Любви.

Духовно не преображенному человеку кажется, что суфий изменчив, но для тех, кто обладает внутренним восприятием, он остается одним и тем же, ибо сущность его неизменна. Один

² См. примечание «Языки».

из ученых Кашмира, веками бывшего одним из центров суфийского учения, еще в XVII в. проделал работу, которую сегодня можно было бы назвать обзором наиболее общих особенностей, присущих суфийским мистикам. Речь идет о Сираджеддине, который объездил не только все соседние страны, но побывал также на Яве, в Китае и Сахаре, встречаясь с суфиями и записывая их устное наследие. Он пишет:

*«Суфий – это совершенный человек. Когда он говорит: «Среди роз будь розой, среди шипов будь шипом», – речь идет не обязательно о поведении в обществе. Суфии – это поэты и влюбленные. В зависимости от того, в какой почве произрастает их учение, они могут быть солдатами, должностными лицами или врачами. Глазам стороннего наблюдателя они могут показаться магами, мистиками или же мастерами какого-то непостижимого или бессмысленного ремесла. Бели вы считаете их святыми, их святость окажет на вас самое благотворное влияние, если же вы сотрудничаете с ними как их коллега, вы сможете получить пользу от общения с ними. Мир для них – инструмент, посредством которого они шлифуют и полируют человечество. Отождествляясь с процессом непрерывного творения, они и сами становятся создателями совершенных людей. Некоторые из них разговаривают, другие молчат, третьи, как кажется, беспрерывно двигаются, четвертые остаются на одном месте, занимаясь обучением. Для того чтобы понять суфиев, необходимо использовать интуитивные способности, которые в обычном состоянии подавляются их дружественным врагом – логическим умом. Пока вы не научитесь понимать нелогичность и скрытый в ней смысл, избегайте суфиев или пользуйтесь только их ограниченными, понятными и самоочевидными услугами».*³

Суфия, суфиев невозможно описать отдельной группой слов или понятий. С помощью движущейся многомерной картинки – можно попытаться это сделать. Руми, один из величайших мистических мастеров, описывает суфия так:

*Пьян без вина; сыт без еды; смятенный, лишенный сна и пищи; король в нищенском рубище; сокровище в руинах; не от воздуха, не от земли; не от огня, не от воды; море, у которого нет берегов. Он владеет сотнями лун, сотнями небес и солнц. Его мудрость не от книг, а от истины.*⁴

Он человек религии? Нет, гораздо, гораздо выше: *«Он за пределами атеизма и религии – что для него заслуги и грехи? Он скрыт – ищите его!»*

Эти известные слова, взятые из «Дивана» Шамса Табризи, написанного в XIII в., говорят нам о том, что суфий скрыт, и скрыт более глубоко, чем последователи любой другой тайной школы. Тем не менее тысячи отдельных суфиев пользовались широкой известностью на всем Востоке. Суфийские общины можно встретить в арабских странах, в Турции, Иране, Афганистане, Индии, Малайзии.

Чем настойчивее пытались пытливые западные ученые проникнуть в тайны суфиев, тем более сложной представлялась им эта задача. Своими трудами они только захламили область мистицизма, востоковедение и, в частности, арабистику, а также историю, философию и даже

³ *Safarnama of Sirajudin Abbasi, 1649.*

⁴ Специалист по суфизму преподобный каноник Селл, кажется, считает, что «некнижная мудрость», на которую ссылается Руми в своем стихотворении, имеет отношение к теологии. В примечании к этому отрывку он пишет: «Одни только книжные знания не сделают вас теологом». (Dr. Sell, *Sufism, Christ. Lit. Soc.*, 1910, p. 63.) Он находит Руми трудным автором, говоря, что только очень терпеливый исследователь мог бы найти эзотерический смысл в произведениях этого поэта (*Ibid.*, p. 69).

мейнстрим обычной литературы. Как гласит суфийское высказывание: «Тайна себя охраняет, обнаружить ее можно только в духе и практике Работы».

Этим, наверное, и объясняется то, что, возможно, самым крупным из живущих авторитетов в области суфизма является один известный профессор археологии. Заслужить этот авторитет ему помогло не профессорское звание, а то, что он сам – суфий.

Обычные люди на востоке представляют себе суфиев примерно так же, как западные люди – всех восточных мистиков. Их считают обладателями сверхъестественных способностей, наследниками тайн, дошедших до них из глубины веков и символизирующих собой мудрость и неподвластность времени. Суфий способен читать мысли, мгновенно переноситься из одного места в другое, он постоянно поддерживает связь с потусторонним миром.

Суфиям приписывают обладание тайным могуществом, и нередко можно встретить людей, которые расскажут вам, например, как какой-то суфий излечил их с помощью одного только взгляда или каким-либо другим, необъяснимым способом.⁵ Считается, что суфии всегда преуспевают в избранных ими профессиях: множество людей служит тому доказательством. По общему мнению, суфии ошибаются гораздо реже, чем другие, и ко всему имеют особый подход. Правильность их действий обычно подтверждается дальнейшими событиями, что приписывают их способности определенным образом предвидеть будущее. Сами суфии верят, что они принимают участие в высших формах эволюции человечества.

Несмотря на то, что народные верования, связанные с почитанием святых, распространены повсюду на Среднем Востоке, им далеко до популярности легенд и традиций, имеющих отношение к суфийским мастерам, которых почитали последователи всех религий. Суфийские старцы могли ходить по воде, рассказывать о событиях, происходивших в далеких странах, жить истинно реальной жизнью и многое, многое другое. О некоем мастере, например, сообщают, что стоило ему начать говорить, как его слушатели впадали в состояние мистического экстаза и приобретали особые магические силы. Где бы ни появлялись суфии, мистики других школ, уже и сами весьма выдающиеся мастера, становились – иногда даже без единого слова – их учениками.

В материальном мире превосходство суфиев связано с их работой и творчеством, которые снискали себе всеобщее уважение благодаря достижениям отдельных суфийских деятелей. Широко распространено мнение, что философские и научные открытия, сделанные суфиями, стали возможны благодаря их экстраординарным способностям. Обычные теологи или интеллектуалы, не склонные считать суфиев особой духовной элитой, которая связана с высшими формами сознания, испытывают некоторую неловкость, когда вынуждены признавать, что в одних странах суфии являются национальными героями, а в других – основоположниками национальной литературы. Предполагается, что от двадцати до сорока миллионов человек являются членами суфийских школ или их филиалов, причем число суфиев постоянно возрастает.

Суфием может оказаться ваш сосед, человек, живущий напротив вас, богач или бедняк, порой – затворник.

Исследовать реальность суфизма исключительно извне не представляется возможным, поскольку суфизм предполагает непосредственное участие, подготовку и опыт. Несмотря на то, что суфии написали огромное количество книг, все они написаны применительно к различным обстоятельствам, кажутся противоречащими друг другу и не могут быть понятыми непосвященными, или же имеют скрытый смысл. Чаще всего посторонние исследователи изучают их весьма поверхностно.

⁵ См. примечание «Сознание».

Попытки раскрыть суфизм посредством изучения суфийских произведений, написанных для Востока, также наталкиваются на определенные трудности, на что не раз сетовали ученые, в том числе и профессор Николсон, приложивший немало трудов, чтобы понять и сделать доступной Западу суфийскую мысль. Публикуя отрывки из некоторых суфийских произведений, он признает, что *«очень большое количество этих произведений обладают совершенно особыми и уникальными свойствами, так что их подлинный смысл открывается лишь тем, у кого есть ключ к шифру, в то время как непосвященные либо понимают только их буквальный смысл, либо вообще ничего не понимают»*.⁶

Книга, подобная этой, «сама себя проектирует» суфийским способом, из чего следует, что в ее основе по определению лежат не общепринятые, а суфийские образцы. Природа содержащейся в ней информации и ее изложения весьма специфична, соответственно, к ней не применимы известные критерии. В подаче материалов был использован метод «рассеивания», поскольку воздействие считается эффективным в силу множественности его проявлений.

В обычной жизни некоторые формы понимания становятся доступными благодаря опыту. Человеческий ум является тем, чем является, отчасти вследствие влияний, которым он подвергается, а также своей способности использовать эти влияния. Взаимодействие между влиянием и умом определяет собой качество личности. В суфизме этот естественный физический и ментальный процесс используется сознательно. Как следствие, человек ощущает, что он достигает более эффективных результатов: приход «мудрости», вместо того чтобы быть вопросом времени, возраста и случая, становится неизбежным. В качестве иллюстрации этого процесса суфии приводят в пример дикаря, поедающего все, что попало, и человека, умеющего различать, который ест лишь полезную и одновременно вкусную пищу.

По всем перечисленным выше причинам было бы совершенно бессмысленно пытаться излагать суть суфийского мышления и деятельности в обычной упрощенной манере или в форме дискурса. Абсурдность таких попыток подытожена в суфийской поговорке: «послать поцелуй через посредника». Суфизм может быть естественным, являясь в то же время частью высшей формы человеческого развития, причем сознательного развития. В обществах, где он не действовал в этой продвинутой форме, адекватного средства для его представления обычно не существует. С другой стороны, почва для такого представления (частично литературного, частично описательного, частично наглядного и т. д.) уже подготовлена в других областях знания.

Люди с метафизическим складом ума, и в особенности те, кто чувствует себя вполне комфортно в мистической области или предрасположены к «внутреннему восприятию», не имеют никаких преимуществ перед остальными, когда дело касается принятия суфизма. Их субъективность, особенно если она связана с ощущением собственной уникальности, подхваченной как вирус от других людей, может на самом деле оказаться проявлением серьезной неспособности.

Упрощенного суфизма не существует, более того, он исчезает из поля сознания тех неустойчивых людей, которые могут быть уверены в том, что им удастся понять его, постигнуть «духовное» с помощью того, что на поверку оказывается их собственной претензией на внутреннее восприятие. Несмотря на всю крикливость таких людей (а они часто оказываются именно такими), едва ли они вообще существуют для суфиев.

Те, кто говорит: «Все это невозможно описать, но я *чувствую*, что вы имеете в виду», едва ли смогут получить от суфизма какую-то пользу. Суфии работают и прилагают усилия к тому, чтобы пробудить определенную область сознания, полагаясь при этом не на удачу, а на

⁶ R. A. Nicholson. *Tales of Mystic Meaning*, London, 1931, p. 171.

особые методы. Суфизм не имеет ничего общего с воздушными замками, взаимными восторгами или безжизненными обобщениями. Когда исчезает «острота», исчезает суфийский элемент ситуации, и наоборот. Суфизм отнюдь не адресован какому-то особому сегменту общества, ибо такого отдельного сегмента попросту не существует, он апеллирует к определенной способности, скрытой в людях. Там, где эта способность не активирована, нет суфизма. Он содержит в себе и «суровую» и «мягкую» реальность, разлад и гармонию, яркий свет пробуждения и мягкую, убаюкивающую темноту засыпания.

Этот центральный момент хорошо выражен в суфийской поэзии, которая очень часто отличается техническим совершенством, иногда кажется просто человеческой, а иногда – совершенно иной. Поколения заурядных лингвистов потратили целые жизни, анализируя это уникальное явление с помощью различных методов в контексте поэтического «разнообразия качеств». Один суфийский поэт так прокомментировал эти попытки:

О кот, привыкший к скисшим сливкам; знаток всех оттенков горечи! Ты принадлежишь к сообществу тех, кто пришел к единому мнению в отношении йогурта. Ты в равной степени ненавидишь сыр, масло и парное молоко. Ты говоришь, что ты не торговец сыром? Но, поистине, тот, кто торгует им, ближе к тебе, чем твоя яремная вена.

А вот еще один отрывок от того же автора, в котором странным образом отзывается эхо современной критики глянцевої литературы.

А не попытаться ли нам написать совершенную картину или соткать отличный ковер? После этого мы можем собраться и всю ночь чесать языками, обсуждая, где каждый из нас отклонился от совершенства. Как здорово! Один и тот же метод для завершеного человека и для ребенка, занятого поиском смеси, которая придаст совершенство его пирогу, слепленному из грязи.

Всякий, кто пробовал фирменные, но не слишком твердые, асептические сыры, продаваемые в современных супермаркетах, по крайней мере разделит чувства поэта относительно еды, если не сумеет вынести из его слов нечто большее.

Хилали, которому однажды бросили обвинение в том, что он «мечом разрубает нитки», сказал: «А может быть, мне лучше попробовать утопить верблюда в меду?»

У суфиев есть свои подражатели, которые пытаются нажиться на их славе. Некоторые из этих имитаторов написали свои собственные книги, еще больше увеличив замешательство непосвященных.

Вполне возможно, что в значительной мере дух суфизма может быть передан через литературные произведения, если принять, что суфизм необходимо практиковать непрерывно и сверяться с опытом других людей. Это зависит не только от влияния художественных форм, но и от влияния жизни на жизнь.

В соответствии с одним из определений, суфизм *есть* человеческая жизнь. Оккультные и метафизические силы – это чаще всего побочные явления, они могут сыграть свою роль в становлении суфия, если не задействованы в стяжании личной значимости или собственного удовлетворения. Попытки стать суфием ради личного могущества, как его обычно понимают, не увенчаются успехом, это – аксиома. Только поиск истины имеет силу, тогда как желание мудрости является мотивом для поиска. Метод состоит в ассимиляции [уподоблении искомому], а не в изучении.

Наблюдая за суфиями с помощью средств, которые, по сути, являются производными от суфийских техник, нам придется направить свое внимание на многие вещи, которые поначалу будут весьма важными, но впоследствии утратят свое прежнее значение. Проиллюстрировать

эту технику наглядным примером несложно. Ребенок учится читать, овладевая азбукой. Когда он уже умеет читать слова, он сохраняет знание отдельных букв, но слова читает целиком. Если бы он по-прежнему концентрировался на буквах, он парализовал бы свою способность к чтению, и то, что было полезным на более ранней стадии, превратилось бы в серьезное препятствие. И буквы, и слова теперь занимают соответствующие их важности места в разворачивающейся перспективе. Таков суфийский метод.

Осуществить этот процесс легче, чем может показаться, подобно тому, как сделать какую-то вещь порой легче, чем описать ее.

Попытаюсь дать читателю некоторое представление о суфиях, участвующих в очередной встрече учебного кружка (*халки*), представляющего собой базовый сегмент суфийской организации, саму сердцевину активного суфизма. Группа искателей, привлеченная к обучающему мастеру, посещает вечерние собрания, проводимые им по четвергам. Первая часть встречи менее формальна, она отводится вопросам искателей и приему в ученики новых членов.

В тот вечер, о котором пойдет мой рассказ, один из новичков спросил у нашего учителя, Аги, существует ли общее для всех людей стремление к мистическим переживаниям.

– На этот вопрос можно ответить одним словом, – сказал Ага. Оно включает в себе описание всего того, что мы делаем, и суммирует наш образ мышления. Это слово поможет вам постичь подлинный смысл нашего существования, а также причину, почему человечество во все времена сопровождают раздоры. Это слово – «Ангуризиюминабстафил». Затем Ага пояснил свои слова с помощью традиционной суфийской истории.

Четыре человека – перс, турок, араб и грек – остановились на деревенской улице и стали что-то с жаром обсуждать. Они вместе путешествовали, стремясь достичь некоего отдаленного места, но в настоящий момент у них разгорелся спор о том, как потратить ту единственную монету, которая у них осталась.

– Я хочу купить ангур, – сказал перс.

– Я хочу изюм, – сказал турок.

– А я хочу инаб, – сказал араб.

– Нет! – заявил грек, – Мы купим стафил.

Мимо проходил другой странник, знавший много языков. Он сказал: «Дайте эту монету мне, и я постараюсь удовлетворить желание каждого из вас». Сначала они не хотели ему верить, но в конце концов отдали монету. Человек отправился в лавку и купил четыре маленькие кисти винограда.

– Вот мой ангур, – сказал перс.

– Это как раз то, что я называю изюмом, – сказал турок.

– Вы принесли мне инаб, – сказал араб.

– Нет! – воскликнул грек. – На моем языке это называется стафил.

Они разделили виноград между собой, и каждый понял, что их разногласия возникли только потому, что они не понимали друг друга.

– Путешественники, – продолжал Ага, – это обычные люди. Человек их рассудивший – суфий. Люди чувствуют, что они чего-то хотят, ибо у каждого есть внутренняя нужда. Они могут по-разному называть ее, но это одна и та же вещь. Те, кто считает ее религией, не только дают ей разные названия, но и развивают разные идеи по поводу того, чем она является. Те, кто считает это честолюбием, пытаются разными способами определить его пределы. И только когда появляется лингвист, знающий, что именно они имеют в виду, они могут прекратить споры и начать есть виноград.

Далее Ага сказал, что группа путешественников, которую он описал, более продвинута, чем основная масса людей в том смысле, что они, по крайней мере, имели какие-то позитивные идеи относительно своей цели, хотя и не могли их выразить. Чаще всего люди находятся

на более ранней стадии развития, чем им кажется. Человек хочет чего-то, но не знает, чего именно, хотя и может думать, что знает об этом.

Суфийский образ мыслей в особенности актуален сегодня, в мире массовых коммуникаций, где людей пытаются заставить желать определенные вещи, или испытывать нужду в них, внушают им верить в то или другое и, вследствие этого, совершать действия угодные их манипуляторам.

Суфий говорит о вине – конечном продукте винограда – и его тайном потенциале как о средстве достижения состояния «опьянения». Виноград считается исходной формой вина. Таким образом, под виноградом подразумевается обычная религия, в то время как вино представляет собой реальную сущность этих ягод. Четверых путешественников следует считать представителями четырех религий. Суфий показывает им, что основа их религий фактически одна и та же. Однако он не предлагает им вина, сути, являющейся внутренним учением, его еще надо произвести и использовать в мистицизме, т. е. на более высокой стадии, чем обычная организованная религия. Это следующий шаг. Но роль суфия как слуги человечества состоит в том, что хотя сам он оперирует на более высоком уровне, последователям формальной религии он помогает, по мере сил, осознать принципиальную идентичность всех религий. Он, конечно, мог бы поговорить и о достоинствах вина, но путешественники хотели винограда и получили его. Согласно суфиям, когда утихают споры вокруг тривиальных вопросов, появляется возможность передать людям великое учение. Между тем, первый вводный урок был дан этой историей.

В неизменном человеке общее для всех тяготение к мистицизму никогда не станет ясным настолько, чтобы он мог осознать, что это такое.

Руми в своей версии этой истории («Маснави», книга 11) намекает на суфийскую систему подготовки, когда говорит о том, что виноградные кисти, сжатые вместе под прессом, могут дать только один сок – вино суфизма.

Суфии часто начинают с нерелигиозных позиций.⁷ Они говорят, что ответ следует искать в человеческом разуме. Разум необходимо освободить, чтобы с помощью самопознания в нем проснулась интуиция, которая приведет его к завершенности. Иной путь, путь тренировки, только подавляет и сдерживает интуицию. Несуфийские системы превращают человечество в обусловленное животное, одновременно внушая ему, что оно свободно в выборе образа действий и мышления, и само творит свою жизнь.

Суфий – это индивидуум, который верит, что с помощью поочередного отождествления с жизнью и отстранения от нее можно стать свободным. Он – мистик, так как верит, что может настроиться на цель всего творения. Его можно назвать и практичным человеком, потому что он верит, что этот процесс должен осуществляться в рамках обычного общества. Он обязан служить человечеству, т. к. является его частью. Великий Эль-Туграй, современник Омара Хайяма, в 1111 г. сделал такое предупреждение: *«О человек, искусство это пронизано сведениями, проникающими в тайны: слушай же, ибо в молчании спасение от ошибок. Тебя взлелеяли для определенной цели, если бы ты только понимал это \ Вереги себя, чтобы не стать овцой, которую откармливают на убой»*. Эти слова были переведены Эдвардом Пококом в 1661 г.

Для того чтобы преуспеть в этом деле, суфий должен использовать методы, разработанные ранними суфийскими мастерами. Эти методы позволяют проскользнуть сквозь комплексную систему натаскивания, которая превращает большинство людей в пленников их окружения и их собственных переживаний. Суфийские упражнения разрабатывались с учетом взаимодействия двух вещей – интуиции и меняющихся аспектов человеческой жизни. Различ-

⁷ «Слова нельзя использовать для описания религиозной истины, разве что в виде аналогий». (Хаким Санаи. «Окруженный стеной сад Истины».)

ные методы сами предлагают себя к использованию в контексте различных сообществ и факторов времени, их выбирает интуиция. В этом нет никакой непоследовательности, потому что подлинная интуиция сама по себе всегда последовательна.

Суфийскую жизнь можно прожить в любое время и в любом месте. Она не требует ухода от мира, участия в каких-либо организованных движениях или соблюдения религиозных догматов. Жизнь суфия стыкуется с жизнью человечества, как единого целого, поэтому суфизм нельзя назвать чисто восточной системой. Суфизм оказал глубокое влияние не только на восточную, но и на саму основу западной цивилизации, в условиях которой живут многие из нас и которая является смесью христианского, иудейского, мусульманского и ближневосточного или же средиземноморского наследия, что в совокупности мы называем «Западом».

Согласно суфиям, люди способны к бесконечному совершенствованию. Совершенство – удел тех, кто привел себя в созвучие с единством всего существующего. Физическая и духовная формы жизни совпадают, но только в том случае, если между ними устанавливается полное равновесие. Системы, призывающие к уходу от мира, считаются несбалансированными.

Физические упражнения связаны с теоретическими моделями. В суфийской психологии, например, существует важная взаимосвязь между учением о «Семи состояниях человека»⁸ и интеграцией личности, а также между движением, опытом и последовательными достижениями высокоразвитой личности.

Где и когда зародился суфийский образ мышления? Большинство суфиев считает, что этот вопрос едва ли имеет какое-то отношение к выполняемой ими работе. «Место» суфизма внутри человечества. «Место» коврика в вашей гостиной на полу вашего дома, а не в Монголии, где, возможно, возник его дизайн.

«Практика суфиев слишком возвышена, чтобы иметь формальное начало», – говорится в книге «Асрар эль-Кадим ва-аль-Кадим» («Тайны прошлого и будущего»). Но пока человек помнит, что история не так важна, как настоящее и будущее, он может многому научиться, проследив распространение современного суфизма с завоеванных арабами территорий около четырнадцати столетий назад. Обращая внимание на этот период развития, суфии показывают, как и почему идея самосовершенствования может быть принята любым обществом, независимо от его номинального религиозного и социального устройства.

Суфизм считается его последователями внутренним, «тайным» учением, скрытым в любой религии, а поскольку основа его уже заложена в уме каждого человека, то суфийское развитие неизбежно должно найти свое выражение в любых условиях. Исторический период суфийского феномена начинается с распространения ислама из пустынных районов в уже сложившиеся, статичные социальные образования Ближнего Востока.

До середины VII в. распространение ислама даже в пределах Аравии было сомнительным и рискованным предприятием, но ему было суждено вскоре подчинить себе целые империи Ближнего Востока, каждая из которых обладала многовековыми традициями политического и военного искусства, так же, как и развитой религией. Мусульманские армии, первоначально состоявшие главным образом из бедуинов и только в дальнейшем пополнившиеся новобранцами другого происхождения, наступали на север, восток и запад. Халифы завладели наследными землями евреев, византийцев, персов, а также греков и буддистов; на западе завоеватели достигли юга Франции, а на востоке – долины Инда. Эти политические, военные и религиоз-

⁸ «Состояния» в суфийской литературе соответствуют трансмутации семи «я», которые обозначаются техническим термином «Нафс». См. прим. «Семь человек».

ные завоевания стали основой современных мусульманских стран и сообществ, распространившихся по всей территории от Индонезии на Тихом океане до Марокко на Атлантическом.

Именно благодаря вышеописанным событиям суфийские мистики стали известны Западу. Их усилиями поддерживается поток, объединивший людей интуитивного знания от Дальнего Востока до самых далеких уголков Запада.

Первые халифы владели миллионами квадратных миль земли, неисчислимыми богатствами и могли оказывать политическое давление на весь средневековый мир. В их руках оказались древние учебные и почти все традиционные мистические школы. В Африке к этим школам относились общества Египта, а также Александрии; западнее был Карфаген, где святой Августин изучал и проповедовал эзотерические дохристианские учения.⁹ Здесь же можно отметить Палестину и Сирию, колыбель тайных традиций; Центральную Азию, где наиболее прочно закрепились буддисты; северо-западную Индию с древними традициями мистицизма и эмпирической религии – и все это находилось в пределах мусульманской империи.

К этим центрам путешествовали арабские мистики, издавна именовавшиеся «Близкими» (*мукаррибун*), которые верили в сущностное единство внутренних учений всех религий. Подобно Иоанну Крестителю, они носили одежды из верблюжьей шерсти и могли быть известны как суфии (Люди Шерсти), хотя так они назывались не только по этой причине. В результате контактов с ханифами¹⁰ все эти древние центры стали оплотами суфийского учения. Ими же был построен мост, соединивший учение и практику христиан, зороастрийцев, иудеев, индуистов, буддистов и т. д. Люди, не обладающие суфийским восприятием, так никогда и не уловили, что вообще означает процесс слияния сущностей. Обычный наблюдатель считает невозможным даже предположить, что суфий видит суфийский поток и вступает с ним в контакт в условиях любой культуры подобно пчеле, которая собирает мед из разных цветов, но сама в цветок не превращается. Не получило широкого распространения даже использование суфиями терминологии «слияния», применявшейся для указания на эту функцию.¹¹

Суфийский мистицизм разительно отличается от других культов, называющих себя мистическими. Внешняя религия для суфиев – всего лишь оболочка, хотя и подлинная, выполняющая определенную функцию. Когда сознание суфия преодолевает эти социальные рамки, он постигает истинное значение религии. Мистики других школ мыслят совершенно иначе. Они могут выйти за рамки внешних религиозных обрядов, но не придают особого значения тому обстоятельству, что религия есть только прелюдия к приобретению особого опыта. Большинство экстатиков остаются привязанными к экстатическому выражению той или иной концепции, извлеченной из их религии. Используя религию и психологию, суфий превосходит их. Достигнув цели, он «возвращается в мир», чтобы вести по пути других.

Профессор Николсон особо подчеркивает подобное видение религии с объективной точки зрения, переводя Руми следующим образом:¹²

*О мусульмане, если кто и влюблен на этом свете, то это я.
Если кто из христианских отшельников и сохранил веру, то это я.
Осадок от вина, кравчий, поэт, арфа, музыка, возлюбленный –
это я.
Свеча, вино и радость опьянения – все это я.
Нет в этом мире никаких семидесяти двух сект и
вероисповеданий,*

⁹ См. примечание «Св. Августин».

¹⁰ См. примечание «Ханифы».

¹¹ См. примечание «Слияние».

¹² R. A. Nicholson, *The Mystics of Islam*, London, 1914, pp. 161. et seq.

*Богом клянусь, всякая вера и секта – это я.
Земля и воздух, вода и огонь, да что там, тело и душа – все это я.
Истина и ложь, добро и зло, легкость и трудность от начала и
до конца,
Знание и изучение, аскетизм, благочестие и вера – это я.
Огнедышащее преддверие ада, и сам адский огонь,
и рай, и Эдем, и гурии – будь уверен, все это я.
Земля и небо, и все, что есть на них, ангелы, пери, джинны и все
человечество – это я.*

Руми выбрался из клетки обычного сознания и увидел все в истинном свете, понял подобие и единство внешне различных вещей, осознал предназначение человека, и в особенности суфия. Все это стоит гораздо выше того, что обычно называют мистицизмом.

Перед лицом многочисленных и победоносных мусульманских фанатиков было далеко не безопасно утверждать, как это делали суфии, что реализация человеческих возможностей связана прежде всего с внутренним миром человека и не имеет ничего общего с выполнением каких-то одних действий и воздержанием от каких-то других. Вместе с тем суфии считали, что для того, чтобы мистицизм стал силой, способной пропитать все человечество, его необходимо вытащить из той секретной ниши, где он находится.

Суфии традиционно считали себя наследниками одного единственного учения, принявшего в зависимости от обстоятельств множество различных форм. Это учение можно было сделать инструментом развития человека. Один из суфиев писал: *«Наши души были опьянены вином бессмертия еще до того, как в мире появились сады, виноградные лозы и виноград»*.

Основу для широкого распространения суфийской мысли и деятельности заложили мастера классического периода, длившегося около восьми веков после возникновения ислама (примерно с 700 до 1500 г. н. э.). Суфизм был основан на любви, его движущей силой была динамика любви, и он находил выражение в обычной жизни человека, в поэзии и работе.

Между суфизмом и исламом не могло быть никаких внутренних противоречий, т. к. суфии считали, что сущностное трансцендентное учение достигло своего апогея в исламе. Таким образом, суфизм считался вполне совместимым с внутренней сутью ислама, так же как и с эквивалентными аспектами любой другой религии и иных подлинных традиций.

В своих «Рубайят» великий суфий Омар Хайям уделяет особое внимание внутреннему опыту, который не имеет никакого отношения к теологической версии того, что люди по ошибке считают истинной религией:

*В обители и келье, монастыре и синагоге
Одни страшатся ада, другие мечтают о рае,
Но в сердцах тех, кто постиг божественные тайны,
Нет места таким фантазиям.*

Фаза, в которую вступило то, что мы сегодня называем суфизмом, приняла форму, обусловленную различными условиями и окружением, но, что касается непрерывности первоначального учения, осталась идентичной. Косные церковники-формалисты могли отрицать этот факт, но они не играли особо важной роли, ибо «тот, кто видит всю картину в целом, может и понять ее, и послужить ей». Профессор Е. Дж. Броун поясняет:

«Даже подлинные суфии во многом отличались друг от друга, т. к. их система была глубоко индивидуальной и мало расположенной к пропаганде. Достигший реализации ариф (познавший или адепт) преодолевал многие ступени и проходил долгий курс обучения под руко-

водством различных пиров и муришидов (духовных наставников), прежде чем обретал гнозис (ирфан). В свете этого высшего знания любая из существующих религий – не более чем слабый отголосок великой и лежащей в основе всего Истины, с которой ариф, пройдя путь до конца, вступал в контакт. Он не считал ни возможным, ни желательным передавать свое понимание этой Истины никому, за исключением тех немногих, кто, благодаря такой же подготовке, был способен к ее восприятию»¹³.

Людам со стандартным мышлением подчас бывает трудно понять, насколько далеко простираются принципы сущностной суфийской деятельности. Поскольку суфизм был предназначен для того, чтобы существовать в условиях ислама, как и в любых других условиях, его можно легко изучать в контексте ислама. В качестве интересного факта следует упомянуть, что два правовых и теологических компендиума, явно нацеленные на то, чтобы доказать всем ортодоксальность суфизма, вышли из-под пера двух суфийских гигантов – Калабадхи из Бухары (ум. в 995) и Худжвири (ум. в 1063). Калабадхи написал «Тааруф», а Худжвири – «Кашф аль-Махджуб» – первый суфийский трактат на персидском языке. Оба автора относились к суфийской элите, но зачастую производили впечатление посторонних наблюдателей, а не посвященных. Такое же отстраненное отношение к суфийской теме ввело в заблуждение исследователей Омара Хайяма, слишком буквально трактующих его творчество. Как бы то ни было, произведения вышеупомянутых авторов полны скрытого смысла, который невозможно восстановить в переводе. В дальнейшем многие средневековые суфийские ордена шли тем же путем. Они продолжили их работу, доказавшую высокую эффективность в условиях мусульманского мира. Однако, как отмечают некоторые суфии, «одно время суфизму обучали исключительно с помощью знаков». Конечным продуктом обоих методов был Завершенный Человек. Символизм и углубляющийся опыт, с помощью которого суфийская практика приводит к единому знаменателю ислам и другие религиозные системы, это уже иная область, доступная только суфиям-практикам, как гласит суфийский афоризм: «тот, кто пробует, знает».

Хотя значение слова «суфий» объясняли множеством разных способов, из самых различных соображений, существует версия, заслуживающая особого внимания: с ней знакомили тех, кто присоединялся к этим мистикам. Она сводится к тому, что слово «суфий» в зашифрованном виде содержит в себе концепцию Любви. Кроме того, в этом слове прячутся следующие краткие послания, включенные в него на этот раз с помощью обычного числового кода: наверху, превосходящий, исправляющий, передаваемое по наследству, достаточное количество чего-либо в нужное время. Таким образом, суфизм есть трансцендентальная философия, предназначенная для исправления определенных вещей, дошедшая до наших дней из прошлого, но применимая к современному обществу.

Религия как таковая подвержена развитию. Суфий считает, что эволюция осуществляется внутри него самого, а также в его взаимоотношениях с обществом. Развитие общества и конечная цель всего творения, включая даже мир неодушевленных вещей, неотделимы от конечной цели суфия. На какой-то период, на миг, месяц или больше ему может понадобиться отстраниться от общества, но в конечном итоге он никогда не теряет связи с вечным целым. Соответственно, важность суфиев огромна, а их деятельность и внешний вид в глазах других людей могут казаться переменчивыми, что связано с изменяющимися нуждами людей и высших сил. Джалалуддин Руми особо подчеркивает эволюционный характер усилий человека, которые всегда оправданы, независимо от того, прилагают ли их отдельные группы или люди:

«Я умер как инертная материя и стал растением. Я умер также и как растение и стал животным. Я умер как животное и стал человеком. Почему

¹³ E. G. Browne, *A Literary History of Persia*, 1909, p. 424.

я должен бояться утраты своих “человеческих” качеств? Я умру как человек, чтобы воскреснуть “ангелом”...»
(Маснави, кн. 3, рассказ XVII).

Такая позиция разъясняет в суфийской манере некоторые кажущиеся различия в поведении и взглядах суфиев. Держа руку на пульсе реальных событий, происходящих в обществе, суфии раннего периода ислама подчеркивали важность самоотречения и дисциплины, чего очень не хватало расширяющемуся и процветающему государству, которое формировалось на основе военных успехов на Ближнем Востоке. Рядовые историки, как правило, не замечают этого, и поэтому подходят к суфизму с чисто исторических позиций, полагая, что таким образом им удастся обнаружить в рядах набожных последователей некую важную специфику их развития, независимую от первоначального учения. Например, суфийская святая Рабийя (ум. в 802) по преданию особое значение придавала любви, а Нури (ум. в 907) – отказу от мира. Нам говорят, что затем произошло дальнейшее отклонение, характеризующееся более сложными, теоретическими и философскими, взглядами на жизнь. И многое другое в соответствии с предполагаемыми трендами извне.

Подобное развитие является бесспорным фактом, но объяснение его с суфийской точки зрения во многом будет отличаться от того, которое напрашивается при поверхностном рассмотрении. Во-первых, все элементы суфизма всегда присутствовали во всей своей полноте, находясь в уме человека. Разные условия вызывали к жизни различные формы учения, ибо «никто не может все свое время проводить в ярости».

Такие люди, как Рабийя, специально выбирались как наглядные примеры проявления определенных аспектов учения. Непосвященные читатели древних документов рассматривали эти материалы без учета условий, для которых они были написаны, и вполне естественно, приходили к выводу, что, скажем, тот или иной суфий все свое время посвящал умерщвлению плоти, или что до Баязида (ум. в 875) в суфизме не было ничего сходного с Ведантой или буддизмом и т. д. Возможно, что подобные выводы были неизбежны, учитывая скудость материалов, доступных обычному исследователю. С другой стороны, никогда не было недостатка в суфиях, которые охотно могли бы разъяснить этот момент, естественно, им самим хорошо знакомый. Для схоластических мыслителей, однако, характерно испытывать большее уважение к написанному слову, чем к выраженному устно или пережитому опыту. Поэтому более чем вероятно, что именно этим обстоятельством обусловлено то, что академические ученые крайне редко консультируются по этим вопросам с живыми представителями суфизма.

Ислам создал весьма благоприятный климат для проецирования суфийского учения, это признанный факт, который легко установить. Вопреки развивающейся деятельности самозванного мусульманского духовенства, узколобых буквалистов, настаивающих на догматическом истолковании религии, ислам обеспечил более благоприятные условия для распространения тайного учения, чем любая из предшествующих ему религий, существовавших ранее на этой же территории. Религиозным меньшинствам была гарантирована неприкосновенность, и это положение строго соблюдалось в течение всего того периода, когда активность суфиев принимала все более и более видимые формы. Ислам, по сути, определялся согласно правовым нормам. Кого считали верующим? По меньшей мере тех, кто согласен был повторить фразу *Ля илляха илля Аллах, Мухаммед-ар-Расул Аллах* («Только божество достойно поклонения, хвала посланнику достойного поклонения»), которую передают следующим образом: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его». Неверующим считался тот, кто отрицал этот символ веры. В сердце человека заглянуть невозможно, поэтому веру или неверие нельзя было определить, об этом можно было только строить предположения.

При условии, что человек мог утвердительно продемонстрировать свое согласие с этой формулой, он не подлежал преследованию как еретик. Не существовало никаких догматов относительно природы этого божества и его взаимоотношений с Пророком; более того, в этой

фразе не было ничего такого, с чем суфий мог бы не согласиться. Его интерпретация этих слов могла быть более мистической, чем схоластические толкования, но не существовало никакой силы, никакого рукоположенного духовенства, которое могло бы установить господство клерикалов. В конечном итоге, социальная жизнь мусульманского общества регулировалась установлениями признанных правоведов. Они не могли дать определение Аллаху, который был выше всяких определений, точно так же, как не могли свести к точному определению и послание – особые отношения божества с человеком. В течение долгого времени суфии могли позволить себе такие заявления, как: «Я поклоняюсь идолам, ибо понимаю, в чем суть поклонения им, а идолопоклоннику эта суть неведома».

Суфийская традиция считает, что разрушение старого порядка на Ближнем Востоке воссоединило «капли ртути», т. е. эзотерические школы, действовавшие в Египте, Персии, Византии, превратив их в «поток ртути», другими словами, в подлинный развивающийся суфизм.

Суфии даже выработали принцип, признаваемый мусульманскими судами, смысл которого сводился к тому, что дерзкие [богохульные] заявления, или кажущиеся таковыми, если они сделаны в состоянии мистического экстаза, не должны пониматься буквально и рассматриваться для вынесения приговора тому, кто их произносит. Один известный суфий сказал: *«Если куст может провозгласить: “Я – Истина”, – то же самое может сделать и человек»*.

Кроме того, в обществе того времени было широко распространено предание, что Мухаммед поддерживал особый контакт с другими мистиками и что набожные и пользовавшиеся огромным уважением «Искатели Истины»¹⁴, окружавшие его в течение всей его жизни, получили от него тайное учение. Следует помнить о том, что Мухаммед не утверждал, что он принес с собой новую религию. Он продолжал монотеистическую традицию, которая, по его словам, существовала задолго до него, и вменял в обязанность уважение к последователям других религий. Многие его высказывания посвящены роли различных духовных учителей. Сам Коран был ниспослан мистическим путем, и в нем содержится много указаний на мистический образ мышления.

В области религии Коран поддерживает единство всех религий и говорит о том, что они происходят из одного и того же источника («Каждый народ был предупрежден»). Ислам считал Моисея, Иисуса и других пророками, вдохновленными свыше. Далее, как известно, среди новообращенных мусульман было множество бывших иудеев, христиан и зороастрийцев (включая их священнослужителей), которые признали миссию Мухаммеда. Некоторые из них в поисках учителя посетили Аравию при его жизни. Все это еще более укрепляло веру людей в непрерывность древнего всеобщего, а не просто некоего локального учения. В этом свете предшествующие организованные религии могли восприниматься не более, чем его ответвления или популяризации в различных вариантах.

Вот почему «цепь передачи» суфийских школ может восходить по одной линии к Мухаммеду, а по другой – к пророку Илье. Один из самых почитаемых суфийских мастеров VII в. Увайе (альКарни), умерший в 657 году, никогда не встречался с Мухаммедом, хотя жил в Аравии в то же самое время и пережил его. С другой стороны, авторитетные источники указывают, что слово «суфий» было уже в употреблении до того, как пророк Мухаммед стал проповедовать свое учение.¹⁵ Если что и необходимо человеку для того, чтобы по-настоящему понять суфиев, так это ухватить идею непрерывности древнего учения и суть веры в эволюцию общества.

Ислам сделал огромный вклад в распространение суфийского мышления, прежде всего благодаря отсутствию в нем идеи собственной исключительности и принятию теории о том, что цивилизация развивается, и даже является органичной. В отличие от предшествующих религий, ислам утверждал, что истина может открыться любому народу, достигшему опреде-

¹⁴ Тулаб аль-Хакк.

¹⁵ Китаб аль-Люма.

ленного момента в своем развитии, а также что сам ислам, отнюдь не являясь новой религией, представляет собой не более и не менее, чем последнее звено в цепи великих религий, предназначенных для мира. Утверждая, что Мухаммед был последним пророком, ислам социологически отразил осознание людьми того факта, что эпоха возникновения новых теократических систем подошла к концу. Последующие пятьсот лет с полной ясностью доказали это. Учитывая современное состояние общества, возможно ли даже представить себе, что новые религиозные учителя, соответствующие по рангу основателям мировых религий, смогли бы добиться такой же известности, которой добились Заратустра, Будда, Моисей, Иисус и Мухаммед.

После того как мусульманская цивилизация достигла своего наивысшего расцвета в средние века, утвердившиеся в каждой культуре трансцендентные потоки, апеллирующие к человечеству в целом, стали более тесно взаимодействовать друг с другом, чем в те легендарные дни, когда практический мистицизм был ограничен относительно немногочисленными и абсолютно тайными группами. Теперь суфизм стал распространяться в разных направлениях. Суфии, специализировавшиеся на концентрации и размышлении, противодействовали тенденции к материальности, уравнивая, таким образом, материализм аскетизмом. В то же время великий суфий Хасан из Басры (ум. в 728) предупреждал, что аскетизм может превратиться в мазохизм, и в этом случае его использование объясняется недостатком силы духа. Каждый суфий должен был пройти более или менее долгий период подготовки, в зависимости от своих способностей, прежде чем его могли признать достаточно уравновешенным, чтобы «жить в миру, но быть не от мира». Приспосабливая свои учения к нуждам общества, суфийские певцы и поэты создавали произведения, которым суждено было стать классическим наследием Востока. В тех кругах, где привычным делом были развлечения и легкомыслие, суфии приспособили свои техники к музыке и танцам, людей обучали посредством романтических и волшебных сказок, и, в особенности с помощью юмора. Тема любви и утраты человеческой сущностью своей изначальной цели была на самом раннем этапе занесена в военные круги. В результате рыцарство сосредоточилось на идее поисков возлюбленной и конечной реализации человека, что в свою очередь привело к созданию новой литературы и возникновению рыцарских орденов, сыгравших впоследствии заметную роль и на Востоке, и на Западе.

Подоплека 2. Слон в темноте

Человека, никогда прежде не видевшего воду, опускают в нее с завязанными глазами, и он ее осязает. Когда повязку снимают, он узнает, что это такое. Но пока он не увидит воду воочию, он знает о ней только по воздействию, которое она производит на его тело.

Руми. Фихи ма фихи

С развитием науки и искусства в средневековом мусульманском мире суфийский гений заявлял о себе, когда суфии становились врачами и учеными, когда они украшали символами свои здания и произведения декоративного искусства (некоторые из этих символов сегодня называют арабесками). Их архитектурные творения были предназначены для того, чтобы утвердить в видимой форме некоторые вечные истины, которые, как полагали суфии, в сжатой форме представляли человеческую душу в процессе поисков конечной гармонии и единения со всем творением.¹⁶

Хотя достижения сугубо практической системы суфиев зачастую неясны посторонним наблюдателям, не знающим об истинном значении этой системы, их можно обнаружить в мышлении, искусстве и мистико-окультиных областях всего Востока и Запада. Для того чтобы ближе подойти к суфийскому опыту, необходимо кратко остановиться на образе мысли этих мистиков и их идеях. Начать можно с поэзии, шуток и символов.

Обычно говорят, что путей, ведущих к суфийскому мышлению, существует почти столько же, сколько и суфиев. Религию, например, нельзя за один присест принять или отвергнуть, не ознакомившись с ее действительным содержанием. Согласно утверждениям суфиев, идею сущностного единства всех религий, разделяют далеко не все люди в мире, потому что большинству верующих неведома сущность религии как таковая. Религия не обязательно должна быть тем, что о ней обычно думают люди.

Для суфия противоречия между религиозным человеком и атеистом подобны спору человека, считающего Землю плоской, с другим человеком, который убежден, что она имеет форму цилиндра, – ни тот, ни другой не имеют об этом реального представления.

В этом вопросе мы подходим к фундаментальному различию между суфийским методом и методами других метафизических систем. Слишком часто считают аксиомой, что человек обязательно должен быть либо верующим, либо неверующим или, возможно, агностиком. Верующий обычно связывает свои ожидания с тем, что кто-нибудь укажет ему на веру или систему, которая, как он думает, сможет удовлетворить его нужды. Мало кто укажет ему на то, что он может и не понимать, в чем именно эти нужды заключаются.

В мире суфия есть высшие измерения; для него вещи исполнены значения совсем в другом смысле, чем для людей, следующих системе, навязанной им обычным обществом.

Такие люди страдают «перекосом». Если голодного человека спросить, сколько будет дважды два, он ответит: «Четыре, а может быть и восемь *кусков хлеба*».

Всеобщность жизни, согласно суфийскому учению, невозможно понять, если изучать ее с помощью методов, используемых в повседневной жизни. Частично эту проблему можно выра-

¹⁶ Некоторым ученым XX века было бы очень трудно поверить в то, что почти за тысячу лет до Эйнштейна дервиш Худживири, на основании достижений суфийского опыта, обсуждал в технической литературе вопросы об идентичности времени и пространства («Раскрытие скрытого», Перечень их чудес).

зитель следующим примером: вопрос «О чем все это?» имеет свою разумную последовательность слов, но это не означает, что ответ должен быть сформулирован в той же словесной форме. Ответ приходит с опытом и озарением. Инструмент, с помощью которого можно измерить маленькую вещь, не всегда будет годен для измерения большой.

Абу Ханифа¹⁷ сказал: *«Практикуйте свое знание, ибо знание без практики – безжизненное тело»*. Ученый, к примеру, рассказывает, что пространство и время – это одно и то же, или что материя вовсе не является непрерывной. Он вам и докажет это с помощью своих методов, но его доказательства мало что изменят в вашем понимании и ничем не обогатят ваш опыт относительно того, что все это означает для вас. Мы можем заявить, что материя бесконечно делима, но для чисто практических целей существует предел для числа кусков, на которые можно разделить плитку шоколада так, чтобы каждый кусок продолжал обладать всеми различными для вас свойствами шоколада. Таким образом, вы либо можете иметь дело с куском шоколада, либо с предметом, который вы желаете разделить на максимально возможное количество частей. Человеческий ум склонен к обобщениям, основанным на частичных данных; суфии же считают, что они могут испытать нечто более цельное.

Традиционная суфийская история освещает один из аспектов этого вопроса и показывает трудности, с которыми сталкиваются даже ученые, пытающиеся изучать суфизм с помощью ограниченных методов:

Слон, принадлежавший группе бродячих артистов, оказался неподалеку от города, где никогда раньше слонов не видели. Услыхав о таком чуде, четверо любопытных горожан решили добиться разрешения осмотреть слона до начала публичного представления. Поскольку в стойле, где содержали слона, не было света, изучение дикий животного должно было происходить в темноте.

Дотронувшись до хобота, один из них решил, что это создание напоминает шланг. Вторым осязал ухо и пришел к выводу, что слон похож на опахало. Третьему попала под руку нога, которую он мог сравнить только с живой колонной, а четвертый, положив ему руку на спину, был уверен, что слон представляет собой что-то вроде трона. Никто из них не мог составить полной картины, исходя из того, что он сумел осязать; каждый, ссылаясь на свой опыт, описывал его,

Средний человек, желающий узнать, что такое суфийский образ мысли, как правило, обращается к справочной литературе. Он может найти слово «суфий» в энциклопедии или же просмотреть труды специалистов по религии и мистицизму. Сделав это, он увидит множество восхитительных примеров того, как проявляется ментальность «изучения слона в темноте».

Один из персидских ученых считает, что суфизм представляет собой христианскую ересь. Профессор из Оксфорда думает, что он сложился под влиянием индийской Веданты. Профессор арабо-американского происхождения полагает, что суфизм был реакцией на интеллектуализм в исламе. Профессор семитской литературы находит в суфизме следы центрально-азиатского шаманизма. Немецкий ученый убеждает нас, что в суфизме следует искать влияния христианства и буддизма. Два очень крупных английских востоковеда видят в суфизме сильное влияние неоплатонизма, но один из них допускает, что суфизм мог развиваться и самостоятельно. Арабский ученый, публикующий свои труды через один из американских университетов, убеждает своих читателей, что неоплатонизм (который он считает частью суфизма) является результатом синтеза греческих и персидских влияний. Один из крупнейших

¹⁷ Абу Ханифа – основатель одной из четырех великих школ мусульманского права, Четвертой школы. Он был суфийским учителем Дауда Таи (ум. в 781). Дауд, в свою очередь, передал его учение своему ученику Мааруфу Кархи («Царю Соломону»), основателю суфийского братства, известного под названием «Строители».

испанских арабистов, настаивая на связи суфизма с христианскими монашескими инициациями, называет источником суфизма манихейство. Другой ученый, обладающий не меньшим авторитетом, находит в суфизме элементы гностицизма, а один английский профессор, который перевел суфийскую книгу, склонен видеть в нем «маленькую персидскую секту». Опять же, некий переводчик усматривает мистическую традицию суфиев «в самом Коране». «Хотя в персидской и арабской литературе можно найти много интересных, с исторической точки зрения, определений суфизма, главная их ценность заключается в том, что они показывают невозможность дать суфизму определение».¹⁸

¹⁸ Prof. R. A. Nicholson, *The Mystics of Islam*, London, 1914, p.25.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.